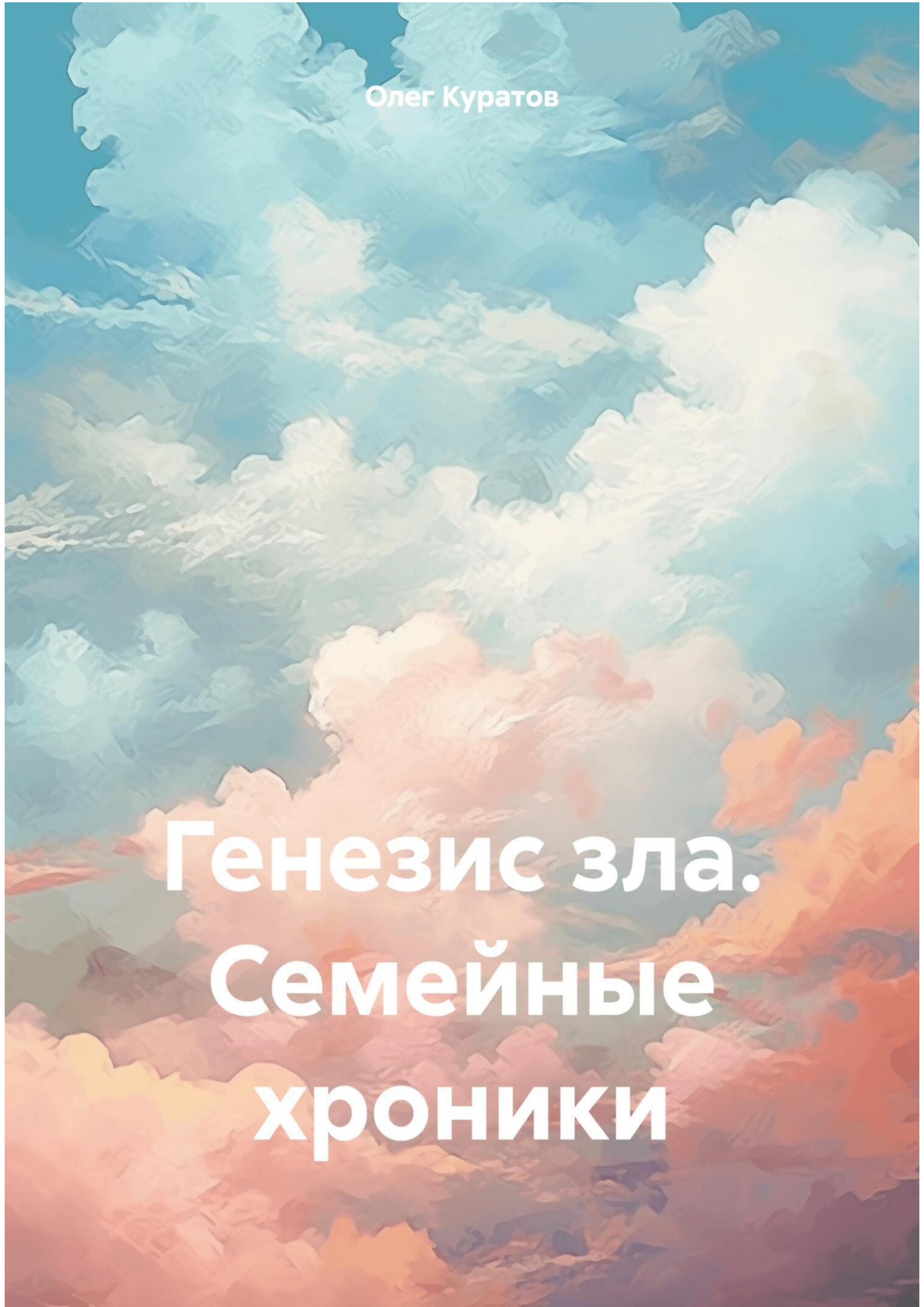

Олег Куратов

Генезис зла. Семейные хроники

Олег Куратов

Генезис зла. Семейные хроники

«Автор»

2024

Куратов О. В.

Генезис зла. Семейные хроники / О. В. Куратов — «Автор»,
2024

Время действия – начало XXI века. Россия. Пожилой учёный, завершив блестящую карьеру, уходит на пенсию. У него появляется свободное время для размышлений о причинах давнего семейного краха, о неотвязном чувстве вины. Под воздействием тягостных воспоминаний и пугающих догадок он решает изучить родословную давно умершей супруги и для этого отправляется на её родину, в глухие Верхневолжские края. Там его ожидают неожиданные открытия и новые душевные потрясения. Исследования прошлого погружают его в мир семейных тайн и загадок наследственности. Итоги поисков обращаются в тревожный призыв об ответственном, гражданском отношении к высочайшим человеческим ценностям, – институтам брака и семьи.

© Куратов О. В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

1.Монастырские записи	5
Историческая справка	5
Монахи	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Олег Куратов

Генезис зла. Семейные хроники

1. Монастырские записи

Историческая справка

1. До Революции 1917г в России функции регистрации актов гражданского состояния (записи рождения, крещения, смерти и отпевания) выполняли церкви различных конфессий. Функции государственных регистраторов выполняли священники, поэтому крещение и отпевание относились к тогдашнему перечню актов гражданского состояния (отсюда упрощённая шуточная формула схемы записи всего жизненного пути человека: «родился – крестился – женился – аминь»). Некоторые священнослужители записывали также дополнительные подробности, например, имена восприемников и даже суммы, уплаченные им мирянами за исполнение церковных обрядов крещения и отпевания.

2. В XVII веке в результате довольно резких реформ патриарха Никона произошёл раскол Русской Православной Церкви. Изменения в богослужебной литературе и обрядах приняли не все христиане. Последователи старой веры сегодня именуются старообрядцами или староверами. Староверы стали расселяться из центра и городов в менее доступные контролю властей части страны. Переселение на восток, в Поволжье, на равнины между Волгой и Уралом, на Урал и дальше в Сибирь приняло массовый характер. После раскола произошло разделение и среди самих старообрядцев. Часть из них продолжала совершать богослужения по древнему чину, принимая в свои ряды покаявшихся священников из Русской Православной Церкви нового обряда – они стали называться поповцами. Другие же считали, что институт священства лишился Божией благодати и наступили времена Антихриста. Они собирались в общины и молились самостоятельно, без священников. Отвергнувших священство старообрядцев стали называть «беспоповцами». Беспоповцы стали самым радикальным ответвлением христианства. Именно в среде беспоповцев впоследствии и появляются самые радикальные толки и секты. Со временем в рядах староверов-беспоповцев стало возникать идеологическое разногласие. Наибольшее количество споров возникало, когда заходил вопрос о браке. Одни считали, что брак все еще спасителен для христианина, другие же были уверены, что настали последние времена и уже не время создавать семьи. В некоторых экстремальных сектах было принято общежитие и безбрачие. Это служило неоднократным поводом для обвинения таких сект в разврате и свальном грехе.

3. Политика официальных светских и церковных властей в отношении старообрядцев в XVII-XVIII вв. была чрезвычайно жёсткой, но постепенно смягчалась. Так, в мае 1883 г. появляется закон «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб», согласно которому приверженцам древнего православия позволялось иметь паспорта, осуществлять торговлю и промыслы, заниматься иконописью, совершать богослужения и духовные требы, строить и ремонтировать часовни и молитвенные дома. В 1906 г. после выхода царского указа «Об укреплении начал веротерпимости», в большинстве старообрядческих приходов появились метрические книги, в которых записывалась информация о рождениях, смертях и бракосочетаниях.

4. 18 декабря 1917 года СНК РСФСР принял декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», которым предусматривалось обращение граждан в отдел записей браков и рождений при городской (районной, уездной или волостной земской) управе для

регистрации брака, рождении ребёнка. Туда же следовало обращаться административным и судебным властям, а также гражданам, на попечении которых находился умерший, для составления акта о смерти лица. Эти отделы ЗАГС вели специальные книги записей рождений, браков и смертей.

Монахи

– Вот так и езжайте! – монах сложил ладони и вытянул обе руки, наподобие пловца, прямо перед собой, – поворотов вправо будет много, но вам свернуть только сразу за халупой, она тоже будет справа.

– Спасибо, трогаем. Так не хотите доехать, сами же говорили, туда идёте?

– Спаси Господи, дойду. Езжайте с Богом, за халупой свернёте, там рядом.

Машина двинулась. За спиной две женщины, случайные спутницы, попросившие подвести, зашуршали:

– Это он из-за нас не садится, – праведный, женщин чурается. А жара-то какая... В этой рясе солнце-то, небось, так припекает! И ермолку с головы не снимает, жару терпит. Это в наше-то время, когда все голышом почти, а здесь вообще никого не видно... Действительно, праведник!

– Это на нём не ряса, а, по-моему, так называемый подрясник...

Под это шуршанье вспомнилось: точно такой же чудной жест указания пути (не одной рукой, а обеими, с ладонями, сложенными «лодочкой»), был у тётки. Понятно, она же была из здешних. Выходит, жест этот местный. Знак этот чем-то привлекает: он по-детски прост и наивен, даже трогателен. Интересно, есть название этого жеста по здешней этимологии? Сюда бы отца, он бы стал копать, копать немедленно, целую лекцию прочёл бы. Говорят, по-настоящему крупный был семиотик. До сих пор больше половины его трудов не поняты, над ними всё ещё корпят знатоки по всему учёному миру. А так, спроси любого – слышали о таком-то? – никто ничего не скажет. Вот и большевики не разобрались, а раз так, лучше засадить, от греха подальше. А ещё лучше вообще... Так и вышло. И вот – никто ничего... Но все труды сохранились, все изданы были у супостатов, через универские связи с Тартусским. Он ведь с самим Лотманом сотрудничал. Очень дружны были. Лотман-то уцелел. Поразительные картины прошлых поколений раскрываются, если проживёшь так долго. Если можно так выразиться, истинное понимание и самих людей, их отношений, и событий наступает только далеко за полночь жизни. Но не у всех в этой полночи ещё горит свет.

Вот и халупа, – кирпичный остов брошенного, полностью разорённого старого поста ГАИ. Оказывается, он же – автобусная остановка, на которую выходят мои пассажирки, им прямо. А вот и поворот. Длинный отлогий подъём по лесной дороге. По мере подъёма из-за хребта гривы начинают, как в кино, открываться, вырисовываясь сверху, здания Монастыря. Нет, это не радио включилось. Это открывающийся вид включил во мне мелодию «Улетай на крыльях ветра» из «Князя Игоря». И эта музыка вновь и вновь звучала во мне все последующие дни. Сначала ослепительно-белая колокольня, затем собор с голубыми, голубее небесного свода, куполами. Собор виден не весь, – его основание скрыто за мощной крепостной стеной с дозорными башенками. За стеной виднеются также второй храм, поменьше, и другие здания, все каменные, капитальные. Частично стену огибает речка. Какой блистательный, красочный, ясный вид! Получу ли я столь же ясные ответы на вопросы, заставившие отправиться в это путешествие?

Паркуюсь у главных ворот. Свод их поражает толщиной стены. Навскидку не меньше шести метров. Как только вступишь в этот проход с палящего солнца, тут же ощущаешь вековую прохладу и полумрак. Время сразу застывает: так здесь было всегда. Даже чудится запах вечности, особый, внушающий почтение. Вот этот же бородатый дежурный монах, выглядывающий изнутри стены, из сторожки в её толще, так же подозрительно всматривался в лицо незнакомца и сто, и двести лет назад. Выслушал меня, сказал подождать, – сходит за батюшкой.

Батюшка появляется не скоро: то ли долго искали, то ли быстрее ходить уже не может. Похоже, моего возраста. Он слегка кланяется:

– Вы по письму своему? Да, получили. Гостиница наша тут, в селе, рядом. Если согласитесь остановиться в простой деревенской избе, добро пожаловать, живите. Другого жилья для гостей у монастыря нет. Вы на машине? Тогда поехали смотреть, там и по делам вашим поговорим.

Село вплотную примыкает к северным стенам Монастыря. Через пару минут мы уже поднимаемся на крыльцо обычного деревянного дома. В сенях две двери. Батюшка поясняет:

– В этой у нас что-то вроде общежития для новеньких послушников и трудников, а эта – для гостей вроде вас. Сейчас таких вы один. Добро пожаловать сюда.

В комнате две кровати с застланными постелями, стол, две табуретки, антикварный умывальник. На вопросительный взгляд батюшки я удовлетворённо киваю. Мы представляемся друг другу. Оказались одногодками. На мой вопрос о его имени-отчестве он просто отвечает: отец Пётр. Отец Пётр ещё раз подтверждает получение моего письма и сообщает: о себе ему рассказывать просто, – он сызмальства связал свою жизнь с монастырём и отлучался отсюда только единожды, на время службы в армии, в далёкие шестидесятые годы. Состоит помощником эконома при Архимандрите. И без обиняков поднимает на меня свои белесые, безмятежные глаза:

– А вы?

– И у меня просто, – до шестидесяти с лишним работал в науке, промышленности. Бывший учёный-математик, на пенсии. На старость лет копаюсь в генеалогии своего рода. Вот решил прояснить кое-что в родословной жены, давно почившей. Как я сообщил в письме, она из этих мест. Буду искать оставшихся в живых родственников на селе. Но, кроме того, специалисты подсказали, по клировым и другим ведомостям можно кое-что выяснить. Надеюсь на вашу помощь и там, и там. Это удача, что меня встретили именно вы, коренной местный житель! Сегодня обустроюсь, и начну вас атаковать просьбами. Очень прошу вас помочь мне в поисках! И ещё: каюсь, человек я просто по жизни, по работе своей, неверующий, хотя, конечно, отношу себя к православным. К христианству отношусь с глубочайшим уважением, но церкви касался только изредка, при жизни супруги. С церковным этикетом знаком поверхностно, так что простите, если что не так скажу или сделаю.

Отец Пётр пораздумал, помедлил:

– На всё это по нашим правилам потребуется благословение начальства. Вы пока располагайтесь, а я доложу о вашем прибытии и похлопочу о том, чтобы начальство вас приняло, выслушало и сообразовало помочь в той части ваших поисков, что касается Монастыря. А вам пока хорошо бы встретиться с местными властями, контора их тоже рядом. И с райцентром, и с местностью ознакомиться, узнаете заодно, где магазин и всё такое. А теперь позвольте раскланяться, завтра же дам знать обо всём.

Вечерний обход села. Контора сельсовета закрыта. Магазин работает, всё необходимое есть. Жара спала, вокруг безмятежная тишина. Сами собой всплывают из памяти и расцветают забытые обрывки восторженных, нежных стихов о природе XIX века. Интересно, восторгаются ли природой современные поэты? По-видимому да, но теперь это скорее всего экологи, пляжники, гольфисты. А что, аквапарки, автострады, транспортные развязки, аэропорты – нынче это тоже природа? Стоп, запахло Маяковским. Поселение явно древнее, – когда строились, понятия об улицах, судя по всему, не было. Дома и приусадебные участки ориентированы самым загадочным образом. Много брошенных домов, но и обитаемых немало. Совсем рядом чистейшая речка, вдалеке видится большой монастырский пруд. После города сущий рай. Случилось завести первые знакомства. Правда, в поисках моих они не помогут: это жители районного центра, задёшево купившие для летнего сезона покинутые дома. Остались ли так необходимые мне старожилы? В своей комнате нашёл электроплитку, чайник и котелок, так что вечерний чай обеспечен.

Ранним утром следующего дня обнаружил в комнате юного посланника с приятной вестью: батюшка ждёт к девяти часам на входе в Монастырь. Юноша-послушник, чего-то стеснясь, разместил на столе пару увесистых треугольных пирогов («Это из монастырской пекарни!») и большую бутылку с водой («Вода родниковая, освящённая!»). Сказав «Спаси Господи!», с явным облегчением ушёл. Встречу с о.Петром я начал с благодарности за заботу, за вкусные пироги и ещё более вкусную воду. Он ответил своим «Спаси Господи!» и сказал:

– Через полчаса вас примет Благодичинный. Его преподобие у нас, слава Богу, человек скромный, к нему можно обращаться либо «отец Благодичинный», либо просто «отец Павел». Будьте возможно более откровенны, чтобы помощь его была наибольшей. А до этого я проведу вас по храму. Что ж, с Богом!

Его преподобие Благодичинный Монастыря о.Павел принял нас в маленькой, уютной приёмной библиотеки, обставленной старинной мебелью. Сухой, высокий, с изящной, классически круглой головой. Он – один из блюстителей этого особого, застывшего, таинственного мира. Здесь куда-то исчезают, казалось бы, эпохальные сдвиги нынешнего 2014 года, все эти социально-политические потрясения, падения и взлёты валют, олимпиады, санкции, крымско-украинские события, импортозамещение, и прочее, прочее. Всё очень просто: перед вами дышащая полным покоем обстановка и как бы вписанные в неё два безмятежных, бесстрастных старца. Я начал с повторения благодарностей за приём, но о.Павел движением руки остановил меня:

– Это наша обязанность. Пожалуйста, расскажите подробнее о ваших целях и нуждах, а мы решим, как оказать вам посильную помощь. Сразу признаюсь, что мы не чуждаемся современных средств информации, поэтому интернет помог нам составить общее представление о вас, о вашей верной и плодотворной службе Отечеству до ухода на заслуженный отдых. К нам же вас привели мотивы чисто личного характера, не так ли?

Куда уж более личного! Яростный, полный злобы и безысходности вопль в какой уже раз уносит меня на сорок лет назад. Весь её облик с головы до ног всегда был для меня идеалом совершенства. Одно только лицо её было для меня магической мелодией, которую можно слушать бесконечно. Очертания его отличались резким, почти грубым строением, отражающим скрытую силу её личности. Иному человеку этот женский лик мог показаться архаично-варварским, всплывшим из глубины веков. Другому, наоборот, – идеалом грядущего, ещё не достигнутого представления о женской красоте. Увы! В минуты ссор, страдания и гнева это лицо превращалось в настоящую Голову Медузы Горгоны:

– Ненавижу их, не-на-вижу, замолчи! Молчи, и помни – или я, или они!

Как неуместен этот чудовищный образ в исполненной смирения монастырской библиотеке! Как несовместим её дикий вопль с этой благодушной, тихой беседой!

Что ответить на вопрос Благодичинного? Наверное, такие страсти недоступны этим людям, просто чужды им, многоопытным именно в людских отношениях. Хотя... в тихом омуте... В любой глуши люди остаются людьми, и ничто человеческое им также не чуждо, как и везде. Но, во-первых, я никому никогда об этом не рассказывал; во-вторых, надо быть осмотрительнее, – не раскрывать же своё самое личное первым встречным, как бы надёжно они ни выглядели.

– Да, глубоко личные. Я увлёкся генеалогией и хочу воспроизвести родовое древо нашей семьи. Моя покойная жена была родом из здешних мест, более того, прямо из этого села, как указано в документах. Хочу узнать подробнее: может, живы родственники её родителей, или однокашники, просто знакомые. В общем, собрать побольше материалов, а в зимний сезон обработать.

– И сколько времени планируете у нас провести?

– Не знаю, как пойдут дела. Я на пенсии, во времени не ограничен.

– Так. Так-так. А повторно не женились? А детки?

– Формально больше не женился. Сын один, сейчас холостяк.

О.Пётр мельком глянул на Благодичного, и тот, также чутко отреагировав на тон моего ответа, перешёл к истории Монастыря. Похоже на привычное краткое резюме опытного экскурсовода. Первые поселения на этом месте были скитами беглых староверов-беспоповцев с никоновских времён, откуда и появилось название села Скитово. Река, в те времена более полноводная, способствовала оживлённому развитию торговли. По мере консолидации государственной и церковной властей наиболее истовые староверы были постепенно вытеснены в глухие разрозненные скиты. В конце XVII века был освящён первый храм, послуживший зачатком нынешнего Монастыря. Уже сотни лет Монастырь окормляет всех православных, живущих в селе и за его пределами, живёт с ними единой общиной во славу Господа. Свою краткую речь он закончил словами:

– На Божьей помощи, на вере, на послушании, на труде стоим и боремся за достойное выживание в наши беспокойные времена. Наша Святая Церковь всегда поддерживала и поощряла родословные исследования. Согласно правилам, я доложу Его Высокопреподобию Архимандриту Антонию о просьбе допустить вас к работе с клировыми ведомостями. Надеюсь на то его благословение. Кстати, все метрические ведомости со дня основания Монастыря сохранены и находятся в этой библиотеке, так что глубина проникновения в прошлое зависит от рвения и терпения искателя. Со своей стороны пожелаем вам успехов в вашем благородном деле и будем надеяться на такой же благодатный отклик, если случится наше обращение за помощью. А мы с отцом Петром займёмся хозяйственными хлопотами, время летит, вот уж и Успенский Пост на подходе.

Так созрел подходящий момент заявить о моей готовности к посильному содействию в решении сугубо мирских, хозяйственных проблем. Едва я заговорил об этом щекотливом вопросе, как Благодичный смутился, замахал руками и, обронив в сторону о.Петра «С ним! Это с ним!», попрощался и удалился.

О.Пётр покорно попросил разъяснить мои намерения. Я призвал его проявить свойственные нам, бывалым людям, откровенность и прямоту и заверил, что при подготовке к своему путешествию в первую очередь позаботился об оказании посильной материальной помощи Монастырю. Попросил его конкретно разъяснить, например, упомянутые Благодичным хозяйственные хлопоты по подготовке к Успенскому Посту. О. Пётр радушно и деловито отвечал:

– Сейчас как раз время закупок постного продовольствия. Успенский Пост строг. Ничего скоромного не разрешает. Елей, растительное масло то есть, только для тяжёлых работ, и то по благословению самого Архимандрита. Как раз сейчас готовлю списки для оптовых закупок в райцентре. Надо с разными поставщиками договориться о ценах, объёмах, сроках и вовремя успеть сюда доставить, на наши склады.

– А можно эти списки посмотреть?

О.Пётр сходил за списками. Мука, макароны, перловка, гречка, овсянка, пшёнка, манка, рис, фасоль, соль, сахар, приправы, специи... Указаны объёмы, цены. Спросив разрешения, выписываю на отдельном листке свой выбор, – то, что сам знаю и люблю готовить дома. Добавляю подсолнечное масло, проставляю количества, рубли.

– Вот это я готов оплатить.

О.Пётр читает, несколько раз поднимает на меня глаза и, наконец, крикает:

– Так ведь это всё более тонны, на целый фургон наш потянет! Не разоритесь? Давайте вдвое срежем, и того будет сверхдостаточно?

– Нет. Это то, что я могу себе позволить, больше не потяну. Именно столько запланировано, у меня личные расходы только по плану – школа жизни. Так что закончим об этом. Если вам удобно, могу рассчитаться прямо сейчас.

Он недоумённо застывает, раздумывает, просит подождать и торопливо уходит. Вернувшись, предлагает следующий план:

– Держали совет с казначеем и келарем. Предлагаем сделать вот что. Поскольку вам для своих дел всё равно придётся бывать в райцентре, мы назавтра подготовим всё для этих *ваших* закупок и после обеда выедем туда. Вы на своей машине, а мы на своей. Посадим к вам распорядочного нашего монаха, он вам всё в городе покажет, расскажет, если что надо – узнает. А мы тем временем загрузимся, вы подъедете и лично рассчитаетесь, чтобы всё было, как сейчас говорят, прозрачно. Согласны? Слава Богу! А сейчас пожалуйста на обед в нашу трапезную, Благочинный заранее благословил.

После обеда в трапезной прогуливаюсь по селу. Дела продвигаются более чем успешно. Вчера только приехал, а уже устроен, получил допуск в библиотеку, решил деликатный взаимовыгодный вопрос о пожертвовании. Всё же, кажется, главный успех – это о.Пётр. Чувствуется, что он обладает сразу двумя важнейшими для меня достоинствами – он по-настоящему свой человек и в Монастыре, и в селе. Всей жизнью, всеми корнями врос и туда, и сюда. И в то же время толков и отзывчив. Пожалуй, можно не сомневаться, что мои поиски в библиотеке не займут много времени. А вот выявление сведущих среди мирян, налаживание контактов с ними, без его участия просто невозможно. Похоже, настоящий самородок: не получивший никакого формального образования зрелый, бывалый человек. Вот тебе и монах! А деловитость и дисциплина их монашеского корпуса на высоте! Без благословения ни шагу. Так бы чётко текущие дела в наших светских учреждениях решались. И при всём благодусии своего не упустят, твёрдая хватка настоящих, спорых радетелей.

Все эти размышления нет-нет, да и столкнутся с чем-то тревожным, чуждым окружающей красоте и спокойствию. Ага, это чёрное эхо всплывшего воспоминания при мирной беседе в монастырской библиотеке. Библиотека. Мы впервые увидели друг друга в питерской Салтыковке, в самом начале давнишних семидесятых. И для меня, математика, заведомого материалиста, эта встреча стала роковой. Оказались за одним столиком в буфете. В душе моей тотчас же расплавился сургуч влечения, и по нему хлётко, холодной печатью, шлёпнула медаль её необычного, загадочного лица, всего её облика, запаха. Выпили по своей чашке кофе и разошлись. А через пять минут я снова увидел её в зале, за стойкой. Это был перст судьбы. Ещё через пять минут, изумляясь себе, предложил ей встретиться.

– Зачем? Я не хожу на танцы, в кино тоже.

– Однако в библиотеке бываете?

– Я здесь на практике.

Оказалось, что она училась в библиотечном институте своего областного центра и проходила практику в Салтыковке. С этого дня мы стали неразлучны. Через год она окончила институт, и мы поженились. Она переехала ко мне, в Питер. Как пошло, как обидно-невразумительно всё это звучит: познакомились, полюбили, враз поженились. Какая жалкая безответственность! Какая постыдная беспечность! Какая глупость, наконец! Любовь с первого взгляда – это не для брака. Это для внебрачного секса – для преходящих сладострастных встреч. И вот, чуть ли не полвека спустя, я копаюсь в терриконах наших отношений, чередующих единодушные, несовместимые, восторг и ненависть. Необходимо во всём разобраться, чётко определить корни зла. Эту цель своего прибытия в Скитово я в тысячный раз повторил уже в постели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.